

Внутри дом был уютным, но, на взгляд Козина, несколько душным. Он был скромно обставлен самым необходимым: маленькими крючками у двери для верхней одежды, крохотным столиком с двумя стульями, придвинутыми к левой стене, и потертым диванчиком рядом с печью, переделанной в импровизированный камин. В центре комнаты лежал небольшой полосатый коврик.

Когда входная дверь за ним закрылась, Козин увидел, как глаза Кайессы расширились от шока.

«М-мерт...? Нет, нет... Я не понимаю, о чем ты говоришь». Золотые волнистые локоны коснулись ее спины, когда волшебница быстро покачала головой, и запах ванили наполнил воздух. Козин терпеливо наблюдал, как на ее лице играли обычные выражения лжецы. — Козин, я рад тебя видеть, но нам придется встретиться позже. Эмиль очень болен и...

— Умер, не болен, — сказал Козин, скрестив руки на груди. «Очень большая разница. Как целитель, ты должен знать лучше».

Кайесса молча смотрела. Она открыла рот, а затем закрыла его.

«Черное легкое — медленный убийца. Так почему же он сейчас мертв?»

В глазах волшебницы промелькнул мимолетный взгляд первобытного страха, как будто кто-то был вынужден противостоять своему детскому страху. «Я не облажалась», сказала она дрожащим голосом. «Я сделал все, что мог». Ее глаза стали жестче, и ребенок в них исчез. Властным голосом она продолжила: «Я сделала то, что сделала бы любая волшебница на моем месте».

— Я не обвиняю тебя в лаже, девочка, так что успокойся, — хмыкнул Козин, пожимая плечами. «Просто скажи мне, что происходит».

Кайесса отвела взгляд, обхватив руками живот. «Я изучаю раны, недуги и болезни уже почти десять лет, — сказала она, — но никогда раньше не видела ничего подобного».

«Что? Черное легкое?»

«Нет, ты идиот», — сердито прошипела Кайесса. Она сделала паузу. «Извини... извини, я просто...» Сделав глубокий вдох, она сказала: «Черное легкое не убило его, Козин. Это было что-то другое». Прежде чем она успела сказать что-нибудь еще, дверь в противоположном конце комнаты открылась. Молодая женщина прошла мимо. Молодая вдова, понял Козин.

— С ним все было в порядке, — тихо сказала женщина. «Всего несколько дней назад с ним все было в порядке. Если не считать кашля. Никогда раньше не видел, чтобы человек заболел так быстро».

«Некоторые болезни крайне непредсказуемы, Далия», — мягко ответила Кайесса. Атмосфера профессионализма, которую она окружала, была такой, какой Козин никогда не видел в ней. Надутый, высокомерный подросток исчез... Ну, не ушел. Пожалуй, лучшее слово — «подавленный».

Далия опустила пустые глаза. Ее лицо было лицом человека, который пролил слишком много горя, чтобы выразить его еще больше. Козин почувствовал легкую жалость к девушке. Он предположил, что пара, вероятно, все еще была молодожёнами. Затем Далия подняла глаза и позволила им переместиться на что-то на стене. Это был венец из давно засохших цветов.

«Что мне теперь делать?» Вопрос был произнесен мягко.

Кайесса отвернулась от ведьмака и подошла к женщине. Она нежно положила руку на плечо Далии. «У тебя есть другая семья?»

«Мой папа живет вдоль реки, в нескольких милях к западу отсюда», — ответила Далия, все еще глядя на цветы. «Мы с Эмилем переехали сюда сразу после свадьбы. Папа всегда меня предупреждал. Он говорил, что шахтеры долго не живут... предположим, он был прав». На последнем слове ее голос оборвался. Она опустила голову и прижала руку ко рту, чтобы подавить рыдания, но ее плечи тряслись, когда она плакала.

Кайесса быстро обняла девушку. «Мне очень жаль», — тихо успокоила она Далию. "Мне очень жаль."

Козин отвернулся, сжимая пальцы на руках. Атмосфера здесь ему не нравилась — ни капельки. Ему пришла в голову идея выйти и оставить Далию скорбеть в покое, и он был уже готов последовать ее примеру, когда Кайесса сказала: «Козин, мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал».

Ведьмак чуть не застонал. "Что вам нужно?"

Колдунья повернула голову и посмотрела на него. «Я забираю Далию обратно к ее отцу», - сказала она. «Но мне нужен кто-то, кто присмотрит за домом, пока меня не будет. И чтобы никто... ничего здесь не потревожил».

Уборка номеров? Если бы об этой услуге попросил кто-то другой, Козин вернулся бы с резкой репликой. Но, черт возьми, он не мог этого сделать с этой женщиной. Не тогда, когда она так смотрела на него, когда ее золотистые волосы ниспадали ей на плечо. И не тогда, когда при виде нее его сердце оживилось сильнее, чем за последние девять лет.

Ведьмак ненавидел выражать свои эмоции, поэтому надел на лицо суровую маску и нахмурился. «Хорошо», - пробормотал он. «Но я не останусь дольше, чем нужно».

Кайесса оглядела его на мгновение, в ее глазах мелькнуло странное выражение. Это было почти так, как будто она бросала вызов его словам. Затем ее лицо вновь приняло стоическое, отточенное выражение, когда она убрала руки с Далии. — Пойдем, дорогая, — нежно уговаривала волшебница, кладя руку женщине между плеч и направляя ее к двери. «Давай выйдем наружу и отведем тебя к твоему отцу. Путешествие через портал займет всего несколько секунд». Козин отошел от них в сторону. Дверь распахнулась и закрылась, но он все еще мог слышать их слова.

"Это безопасно?" — спросила Далия дрожащим голосом.

«Да. Просто держи меня за руку», — сказала ей Кайесса. За ее словами последовал знакомый рев. Козин слушал, пока шум портала не утих, оставив его в тишине. Ведьмак громко хмыкнул и оглядел домик. Помимо входной двери, было еще два дверных проема. Тот, что на правой стороне, больше напоминал открытую арку. Запах специй, трав и продуктов подсказал Козину, что это кухня. Он тешил себя мыслью, что, может быть, стоило бы перекусить, пока он играет в сторожевую собаку, но быстро отогнал эту глупую мысль, напомнив о трагедии, произошедшей под этой крышей.

Тот, что на противоположном конце, тот, через который прошла Далия, вероятно, вёл в спальню. Эмил был там, Козин знал. Поскольку он умер недавно, запаха разложения еще не

было. Но из-за двери доносился запах горького угля и острых целебных трав. И было еще кое-что — нечто необычное. Это был затхлый землистый запах, похожий на тот, который Козин ожидал исходить из-под мокрого камня.

Он сел за маленький столик. Его верного спутника, черную трубку, вытащили. Он зажал мундштук зубами и едва успел коснуться мешочка на шнурке, в котором хранился табак, как его взгляд упал на сумку, прислоненную к стене.

Это был красивый кожаный мешочек, отполированный до насыщенного темно-коричневого блеска. Личность его владельца было достаточно легко определить, учитывая исходящий от него ванильный аромат. Дьявольское любопытство охватило ведьмака. Поднявшись со стула, он бросил быстрый, инстинктивный взгляд на дверь, прежде чем двинуться к сумке.

Он поднял его и положил на стол. Он оказался тяжелее, чем выглядел, и, открыв его, он понял, почему. Сумка была доверху набита портативными инструментами, которые выглядели для Козина совершенно диковинными и чуждыми. Существовало также несколько видов лекарств — травы, порошки, мази, испускавшие какофонию запахов. Карандаши для глаз, блеск для губ в баночках и другая косметика также составляли большую часть содержимого сумки. Среди них был керамический горшок без опознавательных знаков. Козин открутил шапку и был вознагражден ванилью в лицо. Он кратко осмотрел мерцающий, полупрозрачный гламур, прежде чем запечатать его и положить обратно. Еще раз порывшись в сумке, он нашел деревянную безделушку. Он был похож на тот, который Тейла подарила ему раньше, но этот был намного больше и миндалевидной формы. Козин недоумевал, что же это такое, но быстро бросил его обратно в сумку, прежде чем любопытство взяло верх.

Отложив в сторону инструменты, лекарства и косметику, Козин нашел небольшой журнал. Было... Козин поднес журнал к носу. Да, на нем отчетливо пахло углем. Он открыл жесткую кожаную обложку.

У того, кто писал здесь, был ужасный почерк. И когда Козин прочел первые несколько строк страницы, стало совершенно ясно, что писатель нечасто прикасался пером к бумаге.

Поскольку в последнее время у меня проблемы с памятью, врач посоветовал мне записать это. Она не хочет ничего говорить о кофе. Я сказал ей, что в этом нет ничего страшного. Просто нужно несколько дней отдыха. Мне дают неделю, но мне нужно всего несколько дней. Мне пора идти на работу. Я предложил Далии более обширные способы, чем те, которые у нас есть сейчас.

Козин перевернул страницу. Почерк на второй записи был написан нетвердой рукой. Буквы извивались и накладывались друг на друга.

Это уже не просто кофе. У меня сейчас голова болит. Вспоминать труднее, так что хорошо, что у меня есть это, чтобы читать. Доктор спрашивал, почему у меня болит голова, но я не мог ей сказать, потому что не мог вспомнить, когда она спросила. Она сказала мне записать это, когда я вспомню, так что дай мне подумать. Несколько дней назад я был на реке. Был на доке и ходил в фисурс, потому что хотел купить угря для Далии. Стадо трескается. Док был старый и сломался. Это было так быстро, что у меня не было возможности отоспаться, и у меня заболел нос, когда в него попала вода. Я проснулся и пошел домой. Они должны были проверить вуд на предмет гнили.

На следующей странице была третья запись. Написание было еще более запутанным. Почерк стал настолько крупным, что каждая буква занимала почти две строки. Далее слова перестали

следовать по строкам и начали наклоняться.

Ему больно, ему очень больно, Далия уже устала. Я хочу спросить, как я себя чувствую, и описать то, что чувствую, но становится все труднее пережить каждый день, когда это становится хуже. Работать в саду очень больно. Что-то вылетело из моего носа, было темно, но не темно. если я не получу ставку, он заберет машину Далии?

Козин перелистнул последнюю запись. Там была всего одна строка, но она заполнила почти всю страницу беспорядочными каракулями.

В воде мы были очень тонкими, и он столкнулся со мной.

Удар заставил ведьмака вскинуть голову. Его взгляд тут же остановился на двери спальни. Козин отложил журнал. Все еще прижимая руку к чехлу, ведьмак стоял совершенно неподвижно и слушал. Ничего не доносилось до его ушей, кроме тишины, но Козин ей не верил. Он был абсолютно уверен, что услышал что-то из-за этой двери, даже если в этой комнате не было никого, кроме мертвеца.

Вполне возможно, что вор сумел проникнуть. Если это так, то Козину предстояла работа сторожевой собаки. Он вытащил свой стальной меч, намереваясь использовать его только для устрашения. Он не хотел, чтобы Кайессе пришлось вернуться в два тела.

Дверь распахнулась, и ведьмак шагнул внутрь, его взгляд сразу же привлекался к каждому темному углу. В воздухе сильно пахло углем и странным запахом сырости. В комнате не было никого, кроме мужчины, лежавшего на кровати. Он был крупным человеком: карьера в горном деле дала ему тело, почти не уступающее телу ведьмака. Козин подошел ближе, рассматривая лицо Эмиля. Мужчина был молод, слишком молод, чтобы лежать вот так с восковым лицом.

Козин подумал о венке цветов в другой комнате. Глаза Далии были несчастными, когда она смотрела на него, но они также смотрели на эти высушенные лепестки с глубокой любовью. Козин задумался, надевала ли его молодая женщина в день свадьбы. Возможно, Эмиль сделал это за нее.

Резкое движение вырвало ведьмака из раздумий, и он отпрыгнул назад. Его горло сдавило крик прежде, чем он успел его выдать, сдавленное от потрясения при виде невозможного зрелища. Меч был сжат и занесен в его руки. Оно оставалось неподвижным, пока Козин отчаянно пытался понять, на что он смотрит.

Эмиль сел.

Козин ждал, но мертвец не ответил ему. Он продолжал сидеть. Его глаза оставались закрытыми, а рот был приоткрыт, поскольку сила тяжести опустила его челюсть. Медленно выдохнув через нос, Козин медленно опустил меч. Он внимательно следил за мужчиной, но Эмиль оставался неподвижным.

Магия не тронула его. Это не был пример некромантии или телесного одержимости. Медальон неподвижно лежал у него на груди. Козин знал, что трупы творят странные вещи сразу после смерти, например, впадают в трупное окоченение. Мышцы часто сокращались. Эти события были всего лишь погружением тела в вечный покой.

Даже если это было естественно и объяснимо, это не делало ситуацию менее жуткой. Козин решил, что ему следует толкнуть тело обратно вниз. Лениво держа меч рядом с собой, он отступил к кровати и потянулся к плечу мужчины, чтобы слегка подтолкнуть его.

Едва Козин коснулся его, как голова Эмиля дернулась в сторону ведьмака, но не до конца. Козин тут же отдернул руку, словно обожженный, шипя себе под нос красочное проклятие. Это было не просто природное явление. Мышцы не просто сокращались после смерти. Эмиль, или кем бы он ни был сейчас, отреагировал на него.

Но, как и раньше, тело больше ничего не делало. Голова его была слегка повернута, челюсть слегка приоткрыта. Его руки безвольно лежали на простынях сбоку. Козин подумал о драуграх, но они были редкостью. Мало того, для создания таких существ требовалась мощная магия, а кулон на его груди говорил ему, что такой магии не существует.

«Приятель, во что, черт возьми, ты играешь?» Козин что-то пробормотал телу. Как и ожидалось, он не ответил. Козин прислонился к комоду, подперев рядом с собой стальной меч. Он продолжал наблюдать за телом. Время от времени он двигался, скорее, дергался. Если не считать дерганья головы перед этим, оно не подавало никаких признаков того, что заметило ведьмака. Или что он знал о чем-либо в этом отношении.

Наконец, через некоторое время тело с громким стуком упало обратно на матрас. Тем не менее Козин наблюдал. Это снова был труп, лежащий неподвижно, как смерть. Палец Козина постучал по руке, пока он размышлял про себя. Пульс Эмиля ни разу не вернулся. Его легкие не втягивали воздух. Эмиля уже не было. Что-то еще двигало его телом.

Козин услышал, как открылась дверь. Легкие шаги вошли в дом, и было произнесено его имя. Затем он услышал резкий вздох Кайессы.

Он появился в дверях спальни и заметил волшебницу у стола. Услышав его, она подняла глаза, ее глаза горели обвинением. — Ты просматривал мою сумку? — прошипела она.

Козину не хотелось развлекать ее лишним вопросом. «Кей», начал он.

«Я просил тебя осмотреть дом, а не мои вещи!» Кайесса продолжила, ее голос вернулся к тому раздраженному и раздражительному тону, который он уже знал. «Не заглядывай в девичью сумочку, тупой придурок! Я не могу в это поверить!» Она открыла сумку и начала искать внутри какие-либо признаки повреждений.

— Кей, — повторил Козин стальным голосом.

"Что?"

«Что вышло с ним из воды?»

Не поднимая глаз, Кайесса спросила: «Он снова пошевелился?»

«Двигаться? Он сел, черт возьми, и пытался смотреть на меня, когда я прикасался к нему. Я не думаю, что это некромантия, но я не могу быть в этом уверен. Ты не...?»

Кайесса наконец отвела взгляд от сумки. Она держала в руках журнал, который забыл Козин. «Я? Конечно, нет. Некромантия запрещена», — сказала она, как будто это была самая очевидная вещь на свете. Позади Козин услышал еще один удар. Он знал, что Кайесса тоже это слышала. Откинув голову назад, в сторону комнаты, он сказал: «Он мертв, Кей. Так почему же он движется?»

Журнал с громким грохотом швырнул его на стол. «Я знаю, что он мертв!» — воскликнула она вдруг, сжав руки в кулаки. «Перестань мне это говорить! Я знаю! Я старалась! »

— Что на тебя нашло? Козин зарычал, но пожалел об этом, как только слова сорвались с его уст. Его мысли вернулись к тому месту у реки, где он сидел почти десять лет назад. Рядом с ним была девушка, которая так боялась неудачи, что была готова броситься в бездну смерти, чтобы избежать ее. «Бля. Кей, я...»

Его прервали, когда Кайесса что-то щелкнула Элдером и указала на входную дверь. Она распахнулась и с громким треском ударилась о стену. Затем рука волшебницы взмахнула так, словно она сбрасывала вещи со стола. Ноги ведьмака оторвались от земли, и он почувствовал, что становится невыносимо невесомым, когда его вышвырнуло из дома. Вспышки белого и черного цвета заполнили его поле зрения, когда он ударился о землю и прошаркал небольшое расстояние по грязи. Козин приподнялся и услышал еще один хлопок, когда дверь захлопнулась. Дверной косяк треснул.

Он поднялся на ноги и поспешил обратно в дом. Дверь была заперта, а его медальон гудел и прыгал у него на груди. Он снова попробовал ручку. «Кей!» И опять. На этот раз дверная ручка оторвалась его рукой. Козин взглянул на него и отбросил в сторону. Он ударил кулаком по двери, сотрясая ее в раме. — Кей, открой!

Дверь наконец-то открылась для него. За ним стояла волшебница, сложив руки на груди. Темные пятна теней скользили по ее щекам, размазанным слезами и резкими движениями пальцев.

"Почему ты все еще здесь?" она потребовала. «Это даже не твоя забота. Просто убегай и...» Она выбросила руку к горизонту. «И делай то, что делают ведьмаки!»

Взгляд Козина скользнул по ее шее. «Ты все еще носишь это ожерелье». Его голос стал мягким.

— Н-ну да, — дрожащим голосом ответила Кайесса, изо всех сил пытаясь сдержать гнев в голосе. Рука взлетела вверх, чтобы схватить ярко-синий драгоценный камень. «Это красиво и дорого выглядит, так почему бы и нет?» Она вздрогнула, когда ведьмак внезапно вошел в дверь. Кайесса отступила на один шаг назад, но Козин подбежал быстрее, пока их тела почти не соприкоснулись. Красный коснулся ее мягких щек. «Нет», — быстро сказала она, хотя одна рука, напротив, поднялась и остановилась рядом с его медальоном.

Когда они были так близко, он возвышался над ней. Когда Кайесса осмелилась снова встретиться с ним взглядом, Козин обнаружил, что смотрит на нее тем же взглядом. Он чувствовал ее сердце, бьющееся быстро и тяжело, и не мог отличить его от своего. Ведьмак видел, как ее глаза закрылись, а голова выжидающе запрокинулась. Чья-то рука обвила ее поясницу и притянула к себе, сокращая небольшое расстояние между ними. Ему хотелось, чтобы его доспехи были сняты и он мог почувствовать, как она прижимается к нему.

Его губы коснулись ее губ, нежно, как прилив на пляже. Козин почувствовал, как ее рука легла ему на затылок. Затем он соскользнул с его шеи и остановился у ее основания. Кайесса отстранилась от него, прерывисто вздохнула и повернула голову, когда ведьмак снова потянулся к ее губам. Он осыпал поцелуями ее челюсть, когда услышал, как она произнесла страшные слова: «Нет, не сейчас, Козин».

Его руки запутались в ее волосах. — Это не твоя вина, — пробормотал он ей в кожу. Он действительно понятия не имел, о чем говорит.

Твердые руки положили ему на грудь и подтолкнули. Козин отступил, и Кайесса высвободилась из его рук. Она подошла к столу и тяжело опустилась на один из стульев. Глядя на забитую

женщину, Козин проклял себя. Ты, черт возьми, задница! Это Эдди думает членом, а не головой, а не ты!

Козин подвинул второй стул лицом к Кайессе и сел. «Я...» Он вздохнул, слишком неохотно извиняясь. «Хорошо, Кей. Поговори со мной».

Кайесса оперлась локтем на стол. Она поджала щеку рукой. «В храме меня предупредили. Не всех можно спасти. Иногда все, что мы можем сделать, это обеспечить мирную кончину. Общение в последние минуты. Жрицы велели мне подготовить меня, но они никогда не могли подготовить меня к этому. "

«Это твой первый раз?» – спросил Козин. «Через девять лет?» Волшебница кивнула. "Это поразительно."

Кайесса повернула лицо к руке. «Такое ощущение, что все это больше не имеет значения».

Козин подался вперед. «Кей, ты не можешь так думать».

«Тебя там не было», — заявила Кайесса, каждое слово было отягощено тоской. «Вас не было рядом, чтобы слышать, как Далия молится каждую ночь в течение почти недели. Вас не было рядом, чтобы наблюдать, как Эмиль слабеет. Вам не нужно было сообщать Далии новости или смотреть, как она ломается, когда она понимает, каким мужчиной она является. должна была провести остаток своей жизни с пропавшим».

"Что случилось?"

Кайесса посмотрела вниз. «Я думала, это просто черное легкое», — тихо начала она. «Но потом начались головные боли, и ему было трудно собраться с мыслями. Из его дневника я узнал об инциденте на причале. После этого каждое лечение, которое я назначал, каким бы тонким оно ни было, ухудшало ситуацию. как будто... как будто оно сопротивлялось».

"Это?" – повторил Козин.

«Я осмотрела его голову», — объяснила Кайесса. «В этом было, эм... что-то. Организм».

Козин моргнул. Затем, как ни странно, из спальни послышался еще один стук. «Так это теперь двигает тело? Эта штука в его мозгу?»

«Да. Он интегрировался в спинной мозг после смерти. Иногда он реагирует на внешние раздражители. Но он совершенно не разумен, даже не осознает. Этого не может быть — это просто плесень».

Форма. Да, это было все. Вот что это был за странный запах. Но он все еще не мог осознать эту концепцию. Плесень была просто... плесенью. Эта штука не могла управлять человеческим телом, как кукловод.

«Вы когда-нибудь слышали о грибке кордицепс?» — внезапно спросила Кайесса. Козин помолчал, и тут по его лицу пробежала хмурая гримаса.

— Не вылезай из моей головы, — прорычал он. Игривая улыбка изогнула губы волшебницы. В нем на мгновение промелькнуло желание провести кончиком пальца по этой улыбке, и он пришел в ужас, когда понял, что она тоже это уловила. Но мрачное облако все еще нависало над ней, и улыбка исчезла.

— Ты когда-нибудь слышал об этом, ведьмак?

«Я не травник, волшебница».

«Вы никогда не найдете его среди товаров травников», — сказала Кайесса. «Это паразитическое семейство грибов, которое находит хозяев в насекомых — в первую очередь в муравьях и гусеницах. Они используют этих хозяев в своих целях, перемещая их на верхушки деревьев, где птицы могут легко их схватить и распространить споры».

— Они их перемещают?

«Да, они растут внутри хозяина и контролируют его. Это очень тревожит и... тем более, если мое предположение о плесени верно». Тревога и страх заполнили глаза волшебницы. Ей не нужно было выражать свою обеспокоенность. «И именно этот паразит убил Эмиля. Похоже, он реагировал на любое лечение, нападая на своего хозяина — так сказать, погружаясь вместе с кораблем. Он мог бы жить гораздо дольше в живом хозяине, но теперь у него осталось только пока все доступные питательные вещества не разложатся».

Еще один удар. Глаза Кайессы метнулись в сторону звука. «К счастью, это, похоже, очень редкий случай. Это беспрецедентный случай, но его необходимо изучить. Я связался с Винтрикой. Группа собирается приехать сюда и забрать тело на исследование». Колдунья вздохнула и снова подперла голову рукой. «Далия спросила меня о похоронах. Я сказала ей, что похороны должны быть без тела ее мужа. Она была расстроена... это понятно. Что ж, ничего не остается, как ждать». На ее лице появилась жалкая попытка изобразить радостное выражение, а затем быстро исчезло. — Так скажи мне, ведьмак, чем ты занимался последние годы? Сражался с монстрами, был героем? После недолгого затишья она добавила: «Ухаживать за дамами?» Козин мог сказать, что ее беспечный тон был всего лишь фасадом.

— Живу, как ведьмак, — ответил Козин. Он ухмыльнулся. «Я удивлен, что ты не просто извлекаешь ответы из моей головы».

«Чтение чьих-то текущих мыслей и извлечение воспоминаний — это две разные формы телемантии. Последняя гораздо сложнее, и я устал». Кайесса откинулась на спинку стула. Она моргнула, ее веки медленно двигались, пытаясь сдержать усталость.

— Когда ты в последний раз спал? — спросил Козин.

Кайесса опустила голову. Зажмурив глаза, она ущипнула переносицу и быстро покачала головой. «С моей первой ночи в Гелиболе», — призналась она. «Я использовал заклинания, чтобы не заснуть».

"Почему ты бы так поступил?"

«До того, как у Эмиля начались головные боли, я осматривал других пациентов. Из-за мин очень много случаев поражения легких. А потом, когда у Эмиля начали проявляться другие симптомы, мне пришлось быть там каждый час в день. не было места для сна».

«Ты что, черт возьми, спятил, Кей? Ты убьешь себя таким образом».

«Авесе из Лирии не спала три недели подряд, чтобы вылечить постоянный поток раненых солдат во время Восстания Аэлиренн», — заявила Кайесса. «Пока я использую заклинание через равные промежутки времени, со мной все будет в порядке».

«Военное время требует отчаянных мер. Но здесь не ведется битва, Кей. Не делай этого с собой».

«Даже если нет кровопролития, всегда есть болезнь. Каждый час, когда я бодрствую и работаю, матери не обязательно терять ребенка из-за пневмонии. Муж может быть спокоен, зная, что кашель, который есть у его беременной жены, пройдет. сломанная нога молодого человека может сраститься быстрее, и он сможет вернуться на работу и кормить рты дома».

«Пламя не может гореть без правильной растопки», — сказал Козин. «А если огонь погаснет, что будет согревать всех? Ты не можешь винить себя каждый раз, когда кто-то умирает, Кей, потому что ты никогда не сможешь остановиться. Этот мир не идеален — чертовски далек от него, на самом деле, и каждую предотвратимую смерть невозможно остановить».

«Я могу попробовать», — возразила Кайесса. «И если я в конечном итоге спасу еще одну горстку, этого все равно будет достаточно».

Козин усмехнулся. «Все еще так же наивно, как в тот день, когда я встретил тебя», - заметил он. Он встал и подошел к ближайшему окну. Отцепив защелку, Козин толкнул ее. Хотя было уже почти лето, холодный воздух и низко висящие облака говорили о надвигающемся шторме, приближающемся к маленькому шахтерскому городку. Сразу же в уютный дом начал проникать прохладный воздух.

"Что ты делаешь?" — потребовала Кайесса.

«Холодный воздух сохранит тело», — ответил Козин. Одно за другим он открыл окна в остальной части дома. К тому времени, когда он открыл последнее окно в спальне, в доме уже было прохладно. Он вышел из спальни и увидел Кайессу за столом, скрестившую руки на груди и обхватившую обнаженные плечи.

«Хорошая мысль», сказала Кайесса. Она лукаво добавила: «Слишком умна для такой скотины Скеллигана, как ты».

Игни зажег камин. «Как насчет места у костра с твоей умной скотиной Скеллиганом?» Он поманил ее пальцем. Губы Кайессы сомкнулись, она скрестила ноги и упрямо подняла подбородок.

«Я не такая, как другие ваши женщины», — заявила она гордым голосом. «Ты не можешь так роптать со мной и ухаживать за мной. Мой первый поцелуй сделал мне прививку, и теперь у меня иммунитет».

Брови ведьмака поднялись. "Это правильно?" - размышлял он. «И все же во время второго контакта ты таял, пока я не стал единственным, что тебя поддерживало».

«Я всегда так поступаю, когда меня целуют мужчины», — ответила Кайесса. «Им это нравится. Это дает им ощущение силы».

У Козина сжалось горло. Затем он медленно спросил: «А сколько мужчин ты поцеловала?»

"Не твое дело."

Не говоря ни слова, Козин сел на диванчик и смотрел, как пламя мерцает над старым деревом. Он позволил тишине затянуться до тех пор, пока волшебница не нашла ее слишком невыносимой. «Перестань притворяться расстроенной», — отрезала она. — Я знаю, ты

притворяешься. Ведьмаки не любят — они просто распахивают каждую юбку, до которой могут дотянуться. Козин не удостоил ее ответом. Вместо этого он сосредоточился на том, чтобы выдвинуть на первый план как можно больше горя и горя. И действительно, он почувствовал легкое покалывание вокруг черепа и за глазами. Медальон Медведя слегка подпрыгнул.

Кайесса громко фыркнула. «Если вы не собираетесь ничего говорить, я ухожу! Мне нужно проверить других шахтеров с черными легкими».

Козин почесал за ухом, где покалывание было сильнее всего. Он с тоской думал о том, как бы ему хотелось, чтобы волшебница посидела с ним и уделила ему пять минут своего времени. Всего пять минут. Но он не мог высказать свое желание вслух, потому что требовал от нее слишком многого. Она была занята и, похоже, не отвечала ему взаимностью.

Подожвы босоножек Кайессы на каблуках царапали пол, когда она заерзала и скрестила другую ногу. — Я ухожу, — громко объявила она, вставая на ноги. «Если ты собираешься просто сидеть и ничего не говорить, то хотя бы присмотри за домом, пока меня не будет».

Он позволил ей дойти до двери, а затем сказал: «Кей».

"Что?" был немедленный ответ, и она остановилась как вкопанная.

— Этим людям хуже не станет через... скажем, пять минут, — медленно начал Козин. «Можем ли мы поговорить? Еще немного?»

Кайесса колебалась, но ведьмак знал, что она никуда не пойдет. «Пять минут, — подтвердила она, — но ни секундой больше». Он услышал, как она вернулась к креслу за столом. Затем они прошли мимо него. Подушки на диванчике опустились немного ниже, когда волшебница села. Она оставила между ними определенную дистанцию и наклонилась к огню.

— Конечно, — тихо ответил Козин. Наконец он позволил себе взглянуть на нее. Когда Кайесса почувствовала его взгляд, она повернула голову.

«На что ты смотришь?» она потребовала.

Он ответил нежной улыбкой и услышал, как ускорился ритм ее сердца. Колдунья оглянулась на огонь и смело прочистила горло. «Я думала, ты хочешь поговорить, — сказала она, — а не пялиться на меня, как на какого-то безмозглого болвана».

«Расскажи мне, что произошло после того, как Тейла забрала тебя обратно в Винтрику».

— Ты имеешь в виду после того, как ты оставил меня? Кайесса быстро ответила. Она скрестила руки. «Ну, волшебницы удалили большую часть димеридия. Каждый раз, когда меня оперировали, меня ставили под воду, но я всегда просыпался в одних местах онемевшими, а в других ужасно болело. Они не удаляли весь димеридий. Сначала Я думал, что это потому, что они не могли, а потом позже я узнал, что это было сделано намеренно. Тейла поразила меня новостью о том, что я Источник - тяжелый багаж для сонной, полубредущей девушки. Очевидно, как Источник, Моя магия слишком сильна, чтобы ее мог подавить маленький кусочек димеридия, но он действует как изолятор. Того количества, которое они оставили во мне, было достаточно, чтобы ограничить мою силу до такой степени, что я могу ее контролировать. Иронично, не правда ли? " — пробормотала Кайесса, глядя на огонь. «Маги делают Источники такими важными делами, но жизнь как таковая была полным дерьмом».

Только тогда волшебница поняла, что ведьмак обнял ее за плечи. Козин почувствовал ее

напряжение. — А потом Тейла отвела тебя в Храм Мелитэлы?

Напряжение угасло. «Да», ответила Кайесса. «Жрицы показали мне свои сады. Там было так много растений. Большинство из них я никогда не видел. Они позволили мне наблюдать за некоторыми из их операций и заставили меня прочистить несколько ран вручную. Я действительно чувствовал себя... важным». Рука Козина крепче обняла ее за плечи. Кайесса придвинулась ближе, пока не оказалась прижатой к его боку. «Ты сделал это для меня, не так ли? Спасибо».

Козин наклонил лицо и поцеловал ее в макушку.

«Не делай этого», сказала Кайесса.

"Почему нет?"

«Ведьмаки не любят», — повторила волшебница. «И я не хочу, чтобы ты притворялся, что хочешь». Она все еще цеплялась за последнюю крупницу сомнения.

— И откуда ты это знаешь?

«Из... из опыта».

«Ведьмаки умеют любить, Кей», — сказал Козин. «Они просто не позволяют себе. Это слишком опасно».

— Что в этом такого опасного?

«Слишком много привязанностей. Мы изгой, и это формирует узы, которые мы не можем себе позволить».

Кайесса положила руку ему на грудь. Она толкнула, но этого было недостаточно, чтобы вырваться. «Тогда мне пора идти», — сказала она.

«Нет», — ответил Козин. «Это смертельно, то, что у меня есть. Единственное, что ты можешь сделать, это облегчить боль». Ее щека прижалась к нему. Палец провел по металлическому кольцу, прикрепленному к его нагруднику. Рука Козина поднялась с ее плеча и провела глубокие круговые движения по ее шее.

"Отлично."

В очаге потрескивали дрова, а огонь продолжал формировать теплый оазис вокруг диванчика. Через некоторое время Кайесса спросила: «Прошло уже пять минут?»

— Пока нет, — соврал Козин. Кайесса зевнула и прижалась к нему.

— Дай мне знать, когда, — пробормотала она. Козин ничего не сказал. Он продолжал массировать ее шею и слушал, как ее дыхание постепенно замедляется и переходит в глубокие, ровные вдохи. Затем ведьмак прижался лицом к ее волосам, чувствуя, как мягкость ее волос ласкает его губы. Он закрыл глаза и задремал.

Прошло очень много времени

С тех пор, как я увидел тебя, девочка

Прошло очень много времени

В другом мире

У меня есть шрамы, чтобы доказать, что ты мне не нужен

Но мое сердце знает, что я всегда делаю

«Ты и я» — Бен Ректор

<http://tl.rulate.ru/book/100012/3465497>